

Юань дрожал в его объятиях, не издавая ни звука, но Ли Лин знал: мальчик плачет.

Он так и держал его, долго-долго.

За окном медленно заходило солнце.

В комнате оба молчали.

Но Ли Лин понимал: некоторые вещи так просто с рук не сойдут.

Время для мести скоро настанет.

Ли Лин обнимал Юаня, долго-долго.

Маленькое тельце в его руках всё дрожало, но по-прежнему беззвучно.

Он знал, что ребенок плачет, просто боится издать хоть звук. За эти полмесяца мальчик, должно быть, отучился даже плакать так, чтобы кто-то услышал.

— Не бойся, — сказал Ли Лин. — Я вернулся.

Юань ничего не ответил, лишь крепче вцепился в него.

Когда дрожь Юаня немного утихла, Ли Лин осторожно разжал руки и взглянул на его колено.

Ткань, которую он когда-то оторвал от детской рубашонки, намертво присохла к ране, пропитавшись запекшейся кровью. Ли Лин слегка коснулся её, Юань вздрогнул от боли, но прикусил губу, не издав ни звука.

— Больно?

Юань покачал головой, а затем кивнул.

Ли Лин не стал больше спрашивать. Он поднялся, принес воды, положил ногу мальчика себе на колено и принялся по миллиметру отклеивать ткань.

Рана оказалась глубже, чем он думал: кожа была содрана, мясо вывернуто наружу.

Из-за отсутствия нормальной обработки началось воспаление. Ли Лин смотрел на рану, не меняясь в лице, но пальцы его двигались с невероятной осторожностью.

Юань всё так же кусал губы, изредка вздрагивая от боли, но молчал.

— Если больно — кричи, — сказал Ли Лин.

Юань покачал головой и прошептал:

— Не больно.

Ли Лин посмотрел на него, промолчав.

Этот ребенок даже от боли кричать боится.

Закончив с обработкой, Ли Лин достал из своего узла чистый кусок ткани. Изначально он предназначался для одежды, но теперь пошел на бинты для Юаня.

Увидев эту ткань, Юань снова покраснел глазами.

— Брат Лин... твоя ткань...

— Ткань можно получить еще, — Ли Лин, низко опустив голову, старательно завязал узел. — А вот если нога останется калекой — будет беда.

Юань умолк, не сводя с него глаз.

Закончив перевязку, Ли Лин встал и взял в руки ту самую, еще не законченную детскую рубашку.

Прошло полмесяца, а она всё в том же виде: один рукав пришит, другой висит. Но теперь на ткани появилась дыра — Юань оторвал кусок на бинты.

— Эту одежду я завтра дошью, — сказал Ли Лин.

Юань кивнул, его глаза на мгновение вспыхнули и тут же потухли.

Хотя он не произнес ни слова, Ли Лин знал, о чем тот тревожится.

— Я не уйду, — сказал он. — Я больше никогда не уйду.

Юань посмотрел на него, губы его дрогнули, и наконец он тихо отозвался:

— Угу.

В ту ночь Ли Лин не вернулся в боковую пристройку, а постелил себе на полу в главном зале.

Юань лежал на кровати, повернувшись на бок и глядя на него. Лунный свет пробивался сквозь окно, освещая профиль Ли Лина и синяки на его лице.

— Брат Лин, — тихо спросил он, — тебя... тебя тоже обижали?

Ли Лин не открыл глаз, лишь безразлично бросил:

— Пустяки.

Юань помолчал, а затем добавил шепотом:

— Прости... это всё из-за меня...

Ли Лин открыл глаза и повернулся к нему.

Под лунным светом личико ребенка казалось пугающе бледным, но глаза ярко светились, полные вины и тревоги.

— Не из-за тебя.

Юань не поверил.

Ли Лин не стал больше ничего объяснять и продолжать разговор не стал.

Прошло много времени, прежде чем он услышал ровное дыхание со стороны кровати.

Юань уснул.

Ли Лин перевернулся на спину, глядя в потолок и размышляя о событиях последних двух недель.

Кто-то нацелился на Юаня. Кто-то нацелился на него самого. Это не случайность.

Но кто этот человек? Какая из наложниц? Какой принц? Или кто-то другой?

Он не знал. Но понимал одно: если так пойдет и дальше, Юань не проживет и нескольких лет.

Принц без поддержки в этом глубоком дворце — словно ряска на воде.

Каждый может растоптать, каждый может раздавить.

Ли Лин долго думал, перебирая в голове тысячи мыслей.

Наконец, он вспомнил об одной дате.

Через три дня — день рождения нынешнего императора.

По дворцовым правилам, в день рождения императора все принцы обязаны явиться с поздравлениями. Это закон, прописанный в родовых установлениях.

Но Ли Лин живет в Холодном дворце так долго и ни разу не слышал, чтобы об этом хоть кто-то упомянул. Юань тоже никогда не ходил.

Что это значит?

Это значит, что кто-то не хочет, чтобы он пошел. Ему никогда не говорили, не напоминали, позволяя прятаться в этом углу, чтобы император никогда его не увидел.

Не увидишь — не вспомнишь.

Не вспомнишь — не будет милости.

Нет милости — вечно будешь терпеть побои.

Ли Лин смотрел в потолок, и в его душе постепенно созрел план.

На следующее утро он отправился в Ведомство внутренних дел.

Сунь Сдиратель, увидев его, помрачнел. Синяки на теле Ли Лина были слишком заметны: пятна синего и фиолетового, разбитый уголок рта.

— О-о, евнух Ли, что с тобой приключилось? Упал или дверью прищемило? — Сунь улыбнулся, но улыбка его не коснулась глаз.

Ли Лин пропустил это мимо ушей и сказал:

— Дедушка Сунь, у меня есть вопрос.

Сунь посмотрел на него, улыбка мгновенно исчезла, сменившись настороженностью:

— Какой вопрос?

— Через несколько дней день рождения Его Величества, — сказал Ли Лин. — По правилам, принцы должны прийти с поздравлениями. Как подготовить подношение от седьмого принца?

Сунь опешил, а затем рассмеялся.

Смех был странным, словно он услышал нелепую шутку или разглядывал безумца, который не дорожит своей жизнью.

— Седьмого принца? — переспросил он. — Седьмой принц пойдет поздравлять?

— По правилам, должен идти, — ответил Ли Лин.

Сунь смотрел на него, постепенно переставая смеяться.

— Парень, — сказал он, — ты правда не знаешь или прикидываешься? Тот господин никогда не ходил.

Ли Лин молчал.

Сунь шагнул вперед и понизил голос:

— Никто не велит ему идти. Понимаешь? Никто не говорит ему, когда идти, как идти и во что одеться. Столько лет он так жил. А теперь ты хочешь, чтобы он пошел?

Ли Лин посмотрел на него, взгляд его был спокоен.

— Правила есть правила. Должен идти — значит, пойдет.

Сунь долго сверлил его глазами, а затем насмешливо фыркнул.

— Ладно. Смелый ты. Тогда ответь мне: во что он оденется? В те лохмотья? Он может показаться в них перед Его Величеством?

Ли Лин только этого и ждал.

— Поэтому я и пришел спросить: что, по правилам, должен надеть принц, поздравляя императора?

Сунь поперхнулся.

По правилам, принц должен быть в парадном одеянии. Одеяние должно быть подготовлено Ведомством внутренних дел. Всё это прописано в родовых установлениях, четко и ясно.

Он открыл рот, желая что-то сказать, но не смог.

Ли Лин смотрел на него, тон его оставался ровным:

— Дедушка Сунь, я помню, что парадное одеяние седьмого принца никогда не выдавалось. По правилам, принц должен получать комплект каждый год для разных случаев. Это ведь было

утверждено еще в прошлом году, верно?

Лицо Суня окончательно изменилось.

Он впился взглядом в Ли Лина, словно впервые видел этого человека.

Как этот мальчишка может всё знать?

Они долго смотрели друг на друга.

Наконец, Сунь глубоко вздохнул, развернулся, порылся в шкафу, достал бухгалтерскую книгу, долго листал её, а затем извлек комплект одежды.

Одежда была измята, но ткань была хорошей — настоящее парадное облачение принца.

— Забирай, — бросил он на стол. — Не говори, что я не дал.

Ли Лин взял одежду, внимательно осмотрел и поднял голову:

— Дедушка Сунь, это фасон двухлетней давности.

Лицо Суня стало еще мрачнее.

— Только такая есть. Хочешь — бери, хочешь — нет.

Ли Лин не стал спорить, аккуратно сложил одежду и прижал к груди.

У самого порога он обернулся:

— Благодарю, дедушка Сунь. Через три дня седьмой принц придет поздравлять императора.

Сунь промолчал, лишь глядя ему в спину, и взгляд его был полон тревоги.

Вернувшись в Холодный дворец, Ли Лин разложил одежду на кровати и принялся внимательно изучать.

Ткань была добротной, но от долгого хранения вся в заломах. Фасон устарел, но всё же это лучше, чем те старые лохмотья.

Подумав, он принялся за дело.

Сначала он отпарил ткань влажной тряпкой — высокотехнологичного утюга не было, поэтому пришлось использовать горячую воду, проглаживая через ткань. К вечеру заломов стало заметно меньше.

Затем он начал подгонять размер.

Одежда была сшита на подростка, а Юаню всего семь лет, он в ней утонет.

Ли Лин укоротил рукава, ушил талию, стежок за стежком.

Юань сидел рядом и наблюдал, как руки Ли Лина порхают, как бесформенный ворох ткани постепенно становится подогнанным по фигуре костюмом.

— Брат Лин, — вдруг спросил он, — я... я правда должен идти?

Ли Лин не поднял головы:

— Да.

— Но... но мне страшно...

Рука Ли Лина с иглой замерла.

Он поднял голову и посмотрел на Юаня.

В этих глазах был страх, тревога и крошечная капля надежды.

Он вспомнил, какую жизнь вел этот ребенок все эти годы. Никто никогда не брал его с собой, никто не говорил, что делать, никто не позволял ему появляться на важных событиях.

Его прятали, о нем забыли.

Теперь он выведет его в свет.

— Чего бояться? — сказал Ли Лин. — Я с тобой.

Юань посмотрел на него, глаза снова покраснели.

— Они будут... они будут смотреть на меня...

— Пусть смотрят.

— Будут... смеяться надо мной...

— Кто посмеется — запоминай.

Юань опешил:

— Зачем запоминать?

Ли Лин опустил голову и продолжил шить.

— Когда вырастешь — вспомнишь, чтобы отомстить.

В тот вечер одежда была готова.

Ли Лин велел Юаню примерить её.

Юань встал перед медным зеркалом, посмотрел на свое отражение и замер.

Это он?

Одежда сидела идеально, придавая ему какой-то особенный вид. Пусть ткань была не первой свежести, а фасон устарел, но на нем это смотрелось по-настоящему по-принцевски.

Он никогда не носил такой красивой одежды.

Он повернулся к Ли Лину, глаза его сияли.

— Брат Лин...

Ли Лин подошел, присел перед ним на корточки и взял ту самую, еще не законченную рубашку.

Ту, что он шил все эти дни из тех четырех отрезков ткани — по-настоящему новую, сшитую точно по размеру.

— Осталось немного, — сказал Ли Лин. — Завтра закончу.

Юань посмотрел на рубашку, и глаза снова стали влажными.

— Ты... ты эти два дня совсем не спал...

Ли Лин не ответил, просто встал и сказал:

— Ничего особенного. Спи. Послезавтра нужно рано вставать.

Юань кивнул, забрался на кровать и лег.

Но не уснул, а всё смотрел на Ли Лина.

Ли Лин уже собирался лечь на свой матрас, как вдруг что-то вспомнил и повернулся.

Он посмотрел на Юаня, помолчал немного и произнес:

— Да, еще одно.

Юань моргнул.

— Подношение для Его Величества, — сказал Ли Лин. — Нужно подготовить.

Юань застыл.

— Подношение?..

Он об этом даже не думал. Он не знал, что пойдет, а уж о подарке и подавно не помышлял.

— У меня нет... — прошептал он. — У меня нет ничего, что можно подарить...

Ли Лин посмотрел на него, и в его взгляде читалось что-то сложное.

Юань не мог прочитать этот взгляд. Словно жалость, а может, что-то еще.

— У тебя есть, — сказал Ли Лин.

Юань растерялся:

— Что у меня есть?

Ли Лин не ответил.

Он лишь сказал:

— Когда придет время, узнаешь.

Юань хотел спросить еще, но Ли Лин уже отвернулся и лег на свой матрас.

Свет луны падал на него.

Юань смотрел на его спину, и голова была полна вопросов.

Что у него есть?

У него же ничего нет.

Рубашка не готова. Парадный костюм — старье двухлетней давности. Единственное, что хоть сколько-то стоит — маленький мешочек, оставшийся от матери.

Что он может подарить отцу-императору?

Юань промучился всю ночь, но так и не нашел ответа.

На следующее утро Ли Лин продолжил шить рубашку.

Юань сидел рядом и не выдержал:

— Брат Лин, что же мне всё-таки подарить?

Ли Лин не поднимая головы:

— Сказал же, когда придет время — узнаешь.

— Но...

— Не спрашивай, — Ли Лин взглянул на него. — Иди подмети двор.

Юань надул губы и послушно пошел подметать.

Пока он мел, он всё думал.

Что же у него есть?

Этот крошечный вопрос засел в его сердце, как семя, ожидающее своего часа.

<http://bllate.org/book/18783/1823131>